

НОРМАННСКАЯ ДИНАСТИЯ, ТОРЖЕСТВО ФЕОДАЛИЗМА И ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

1. Вильгельм Завоеватель — король Англии

- 15.X.1066 Битва при Гастингсе и гибель Гарольда
- 25.XII.1066 Вильгельм I коронован в Вестминстерском аббатстве
- 1067 Перестройка лондонского Тауэра
- 1068 Брак Малькольма III Шотландского и Маргариты.
Рождение будущего короля Генриха I
- 1068—1069 Восстание в северной Англии и опустошение севера
- 1071—1072 Восстание Хирварда и конец английского сопротивления
- 1080 Против Вильгельма восстаёт старший сын Роберт
- 1081 Внешнее примирение отца и сына
- 1083 Смерть Матильды Фландрской, жены Вильгельма I.
Составление «Книги Страшного суда»
- 9.IX.1087 Смерть Вильгельма I.
Роберт становится герцогом Нормандии,
а второй сын Вильгельм — королём Англии

Утро 15 октября 1066 года. Крайний юг Англии, широкое поле в окрестностях городка Гастингс и холм посреди этого поля. Вчера там кипела битва. На холме стояла насмерть «стена щитов» (shieldwall), построенная, в традиционной манере северных воинов, верными хускарлами — личной гвардией короля Гарольда. (Это была последняя и самая знаменитая из подобных «стен» в истории северных сражений.) На эту стену обрушивались одна за другой волны отборной рыцарской конницы Вильгельма, герцога Нормандского, но она стояла непоколебимо, пока злая норманнская стрела не оборвала жизнь английского короля: последний из обрушившихся на него ударов судьбы. Сейчас холм усеян мёртвыми телами англичан. Вперемежку лежат и норманны — те, кому вчера не повезло: около трети тех, кто пришёл с герцогом. (А те, кому повезло, бродят по полю, добивая раненых врагов.)

Норманны атакуют «стену щитов», фрагмент гобелена из Байё

Победители долго не могли найти искромсанное тело злосчастного Гарольда. Но вот уже ближе к ночи какие-то монахи привели любимую женщину короля, как бы мы сейчас сказали, его гражданскую жену. Долго бродила по полю прекрасная Эдит Лебединая Шея (Swan Neck) и наконец нашла Гарольда среди обезображенных тел по только ей ведомым признакам. Потом, согласно легенде, мать Гарольда умоляла Вильгельма выдать ей тело сына за огромную плату, но тот велел похоронить его среди безымянных скал на берегу Ла-Манша. Там, как считают патриоты, он и лежит до сей поры, продолжая охранять родной берег от пришельцев с юга.

Ход Гастингской битвы был описан в конце моей книги «Рассказ о ранней Британии от Цезаря до Вильгельма Завоевателя», далее для ссылок «Ранняя Британия». Здесь я только скажу, что её исход долгое время оставался неясным: хускарлы Гарольда так же хорошо знали своё ремесло, как и рыцари Вильгельма. Герцог несколько раз находился на волосок от смерти, под ним три раза были убиты лошади.

Уж не знаю, согласится ли со мной читатель, но мне кажется, что роль случайностей в мировой истории гораздо больше, чем это признаётся историками, будь они марксисты или кто угодно. (И Гастингская битва является тому впечатляющим примером.) Физики и математики меня поймут, если я скажу, что история — наука «квантовая», а не «классическая»; она оперирует лишь вероятностями тех или иных возможных событий. Можно даже, на уровне шутки, сказать, что в каждой ситуации есть своя «постоянная Планка», характеризующая разброс возможностей исходов при тех же самых начальных данных. Вы можете назвать её «госпожа Удача», а можете — уж не с большим ли основанием? — «Божий промысел». Но только в истории эта «постоянная Планка» далеко не столь мала, как в естественных науках. Именно поэтому будущее невозможно предсказать даже на несколько лет вперёд.

Вообще, раз уж зашёл такой разговор и меня понесло, то я осмелюсь даже предположить, что и технологическая революция, произошедшая в Новое время на западной

окраине Евразии, вовсе не была чем-то неизбежным и чем-то само собой разумеющимся, как это многим представляется. Скорее всего, если бы опять-таки не цепь случайностей, доставленных нашей умозрительной «постоянной Планка», мы бы так и жили по старинке до конца света и несостоявшиеся фейсбучники обменивались бы сплетнями на шумных восточных базарах.

Но Вильгельм вряд ли предавался общим размышлениям о роли случайностей в мировой истории. Просто вчера он поставил всё на карту — свою жизнь, своё герцогство, судьбу своих детей — и выиграл. Не оставила его госпожа Удача, неизменно ему улыбавшаяся со времени того самого шторма, который несколько лет назад прибил корабль Гарольда к нормандским берегам.

Вот он в сопровождении своих рыцарей медленно объезжает поле битвы. Армии, которая могла бы ему противостоять, более не существует. Но что делать дальше?

Герцог пять дней не двигался с места, приводя потрёпанное войско в порядок и ожидая депутации с изъявлениями покорности. Но никто не явился. Дело в том, что в Лондоне пока не осознали, что дело окончательно проиграно. Там собрался уитенагемот¹, который провозгласил новым королём пятнадцатилетнего Эдгара Этелинга². Безупречное решение с точки зрения легитимности: ведь Эдгар был прямым потомком короля Этельреда, в то время как Вильгельм был всего лишь внучатым племянником жены этого короля.

Кстати, справедливости ради я замечу, что права Гарольда были не многим предпочтительнее прав Вильгельма: опять-таки племянник жены короля, но на этот раз хотя бы Эдуарда Исповедника, последнего из славной династии Эгберта и Альфреда Великого. Но требовался зрелый муж, способный защитить страну от внешних опасностей, и избрали Гарольда.

Ещё не зная, насколько серьёзной будет эта попытка сопротивления, Вильгельм попробовал быстро занять столицу, направив туда небольшой мобильный отряд. Но в завязавшейся схватке на Лондонском мосту норманны были отброшены, и им только осталось опустошить в отмест-

¹ «Совет мудрых людей», составленный из наиболее видных лиц королевства, светских и духовных. О его функциях см. «Раннюю Британию».

² «Этелинг» после имени означает, что данное лицо принадлежит к королевскому роду, в данном случае ведёт своё происхождение от Альфреда Великого. Претендовать на корону могут, согласно традиции, только такие люди. Подробности см. в «Ранней Британии».

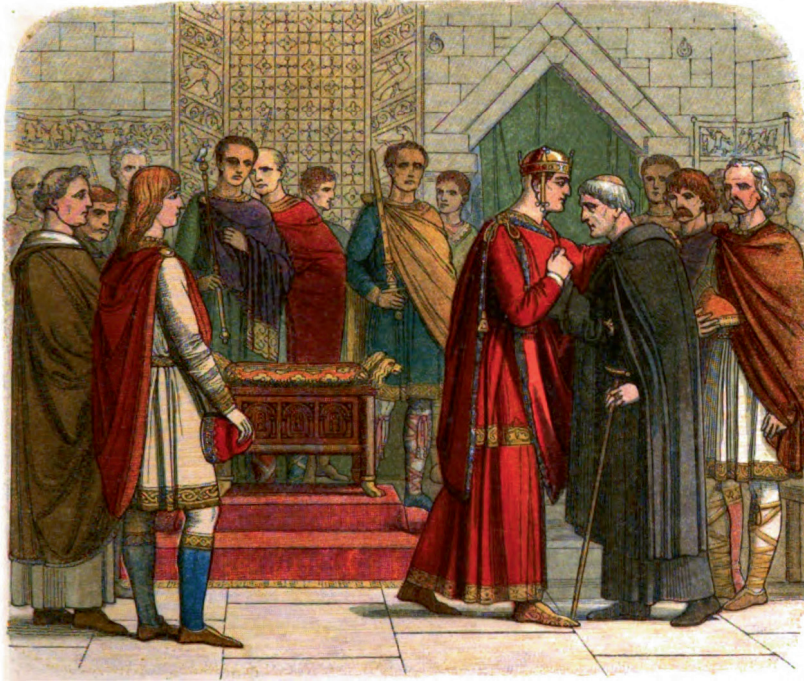
ку южный берег Темзы. Герцог понял, что нужна более основательная подготовка. Не желая больших потерь и разрушений при взятии своей собственной будущей столицы, он решил сперва привести к покорности всю остальную южную Англию; тогда уитенагемот и лондонцы наконец поймут, что сопротивление бесполезно. Вначале он двинулся вдоль берега, взяв Дувр и Кентерберы и построив там замки. (Об особой роли замков в норманнском завоевании мы поговорим ниже.) Затем он повернул на запад и захватил Винчестер, бывшую столицу Уэссекса. Там ему удалось захватить копившиеся веками сокровища английских королей.

Обеспечив господство на обширной территории и получив подкрепления с континента, Вильгельм двинулся к столице и обошёл её с севера, оставляя выжженную землю. Для подавления очагов сопротивления он применял свой излюбленный метод, который всегда, ещё со времён его борьбы за герцогскую корону, действовал безотказно: массовый террор.

Расчёт Вильгельма оказался правильным. Стало ясно, что одна законность прав, при отсутствии вооружённой силы, за Эдгара воевать не сможет. И вот в декабре к герцогу явилась представительная делегация во главе с архиепископом Кентерберийским Стигандом. Там был и Эдгар, хорошо проинструктированный старшими товарищами. Он передал Вильгельму королевские знаки достоинства и объявил себя его верным подданным. Тот милостиво выслушал смиренные речи этих достойных людей, но оставил Эдгара при своей особе; так спокойнее. Прислали изъявления покорности Эдвин из Мерсии и Моркар из Нортумбрии, те самые, что столь двусмысленно себя вели, так и не придя на помощь Гарольду. Вильгельм понимал, что с этой парочкой ещё предстоит разобрататься, но пока сделал вид, что полностью им доверяет.

Торжественная коронация Вильгельма была назначена на Рождество. Герцог с большой помпой въехал в Лондон, где в кульминационный момент надлежащей церемонии архиепископ Йоркский Эдред возложил на его голову корону св. Эдуарда. (Архиепископа Кентерберийского Стиганда, ввиду его более чем прохладных отношений с папой, решили в это действо не вовлекать.) Затем Вильгельм произнёс традиционную клятву английских королей при их вступлении на престол — о том, что будет править, как и его предшественники, «в соответствии с добрыми законами и обычаями страны». Однако он добавил слова «при условии, что подданные будут мне верны».

Встреча Вильгельма с англосаксонской знатью

Возможно, новоявленный король хотел из политических соображений устроить настоящее шоу, но не получилось. В самый разгар церемонии норманнские солдаты, испугавшись какого-то шума, подумали, что горожане подняли восстание, и стали поджигать окружающие дома. Так, посреди пылающих зданий и криков испуганных людей, Вильгельм поднял занавес второго акта драмы «История Англии».

В начале следующего года Завоеватель вернулся в своё изначальное герцогство с тем, чтобы проверить, не слишком ли вассалы разболтались за время его отсутствия. Но задержаться там надолго ему не пришлось: пришло известие о том, что жители Эксетера отказались принести ему клятву верности и впустить в свой город норманнский гарнизон. Снова переплыв пролив, он лично появился под стенами Эксетера. Город держался 18 дней, после чего капитулировал. Любопытно, что, как отмечают хронисты, провинившиеся не были столь уж сурово наказаны. По-видимому,

Вильгельм тогда ещё надеялся, что преподанных уроков будет достаточно и теперь он может рассчитывать на лояльность большинства своих английских подданных, и прежде всего на ещё сохранившихся представителей старой английской знати. Почему это оказалось иллюзией, мы обсудим несколько позже.

К весне 1068 года юг Англии был почти полностью замирен. Вильгельм даже счёл возможным вызвать на остров свою верную подругу жизни Матильду Фландрскую (о необычной истории их брака см. «Раннюю Британию»). Её торжественно короновал тот же архиепископ Эддред.

Но расслабиться Вильгельму не дали. Повзрослевшему Эдгару Этелингу удалось каким-то образом освободиться от бдительного ока Вильгельма. (Забегая вперёд, я скажу, что этому храброму и предприимчивому человеку предстояла долгая жизнь, похожая на приключенческий роман.) Вместе с матерью и двумя сёстрами, Маргаритой (Маргарет) и Кристиной, он появился в Шотландии, где был радушно принят королём Малькольмом III. Тот признал его права на английский престол. Сам Малькольм в своё время был таким же законным наследником престола,

только шотландского, и он в бою добился принадлежащую ему корону, победив и убив узурпатора Макбета, того самого, шекспировского. Так что для него было естественно выступить на стороне своего «товарища по цеху». Но существовала ещё одна причина, не менее важная: Малькольм влюбился в Маргариту, которая стала его женой.

Я сказал «Маргарита», а шотландец сказал бы «святая Маргарита». Ведь эта красивая и умная женщина, одна из двух самых знаменитых женщин в шотландской истории (вторая — это, конечно, Мария Стюарт), принадлежит к числу святых католической церкви. По всей

Малькольм и Маргарита

стране и даже за её пределами распространилась слава о её доброте и богобоязненности; везде, где могла, она сеяла разумное, доброе, вечное. Её муж, дикий горец, как можно сказать, попал под её облагораживающее

влияние и вместе с ней сильно продвинул свою страну по пути цивилизации. Ещё стоит отметить, что их дочь Эдит выйдет замуж за английского короля Генриха I и поэтому благодаря св. Маргарите на тронах обоих островных королевств — южного и северного — будут сидеть потомки Альфреда Великого. (Но к этому мы потом ещё вернёмся.)

Вскоре Эдгар, поддержанный шотландскими добровольцами, появился в Англии. К нему примкнули братья Эдвин и Моркар, которым Вильгельм оставил им их земли, правда, в сильно урезанном виде. Теперь они подняли оружие.

Узнав о происшедшем, Вильгельм собрал войска и двинулся на север через Ноттингем и Уорик, построил в обоих городах замки и поставил там, на горе местному населению, норманнские гарнизоны. Йорк, до этого занятый повстанцами, сдался без сопротивления, и Эдгар, не солоно хлебавши, вернулся в Шотландию. Однако в конце 1068 года он снова пересёк шотландский «бордер», на этот раз с более значительными силами. В январе следующего года повстанцы заняли Дарем, где уничтожили большой норманнский отряд во главе с назначенным Вильгельмом наместником. Весь север запылал.

А тут ещё возникла внешняя угроза. В Дании в это время правил король Свейн Эстридсен, племянник Канута. (О Кануте, бывшем одновременно королём Англии, Дании и Норвегии, см. «Раннюю Британию».) Свейн тоже, помимо Вильгельма и Харальда Норвежского, давно присматривался к английской короне. Однако раньше от скольких-нибудь решительных действий его отвлекала

Свейн Эстридсен

кала постоянная, как бы мы сейчас сказали, гибридная война с Харальдом, претендовавшим, кроме английского, ещё и на датский престол. Но теперь, когда тот осуществил голубую мечту викинга устроить из своей смерти грандиозное шоу на поле боя (снова см. «Раннюю Британию»), руки Свейна освободились. Он подготовил флот, и в конце августа 1069 года датчане высадились в устье Хамбера. Сам Свейн остался дома,

а командование поручил своему брату Осбеорну. Поэтому трудно судить, насколько серьёзными были его намерения. Скорее всего, это была разведка боем, за которой в случае успеха последовало бы появление большей датской армии.

Тем временем повстанцы, поддержанные местным населением, двигались к югу. Их самым крупным успехом был новый захват Йорка, где они

Вильгельм Завоеватель

вырезали норманнский гарнизон. Вильгельм понял, что дело дрянь и надо спасать положение. На его счастье, между его противниками не было согласованности. Правда, Эдгар встретился с Осбеорном и попытался договориться о совместных действиях. Ничего не вышло. Удивляться нечему: на две головы — Эдгара и Свейна — одну корону не наденешь. Оба войска не объединились и воевали самостоятельно. Датчане ограничились тем, что основательно пограбили сравнительно богатые окрестности, окончательно потеряв симпатии местных жителей (а ведь там проживали по большей части потомки тех же

датчан). Но дальше продвинуться не удалось.

Зная об этом, Вильгельм решил не тратить силы на датчан и послал к ним парламентёров. Те предложили им, если они пожелают, остаться до следующей весны, а затем вернуться домой, забрав с собой все захваченные ценности. Якобы сыграла свою роль и взятка — значительная сумма денег, вручённая лично Осбеорну.

Теперь можно заняться повстанцами. Тут английский король показал себя своим новым подданным во всей красе. Он решил навсегда покончить с возможными мятежами на севере. Пусть те, кто поднял против него оружие или собрался это сделать, не будут иметь ни пищи, ни крова. То, что он предпринял, вошло в историю Англии как печально знаменитое «Harrying of the North» — разорение (или опустошение) севера. Он собрал все войска, какие только мог, и приказал своей коннице широким фронтом идти на север, уничтожая всё на своём пути — людей, скот,

Опустошение севера, фрагмент гобелена из Байё

постройки. Крестьяне бежали из сожжённых деревень в леса и массами гибли от голода и холода. Не менее северной трети Англии превратилось в безлюдный край, который только через полтора века будет возвращён к жизни усилиями цистерцианских монахов. Так Вильгельм преподал урок недовольным и показал, что готов удержать власть любой ценой — а сколько у него останется подданных, уже не столь важно.

Эдгару пришлось вернуться в Шотландию. Эдвин и Моркар какое-то время скрывались от карателей в северных лесах. Потом старший брат попытался найти убежище в той же Шотландии, но, по невыясненным причинам, был предан своими людьми и убит. Моркару повезло больше, но о нём мы поговорим чуть позже.

Настала весна 1070 года. Датчане, сидевшие где-то к югу от устья Хамбера, нарушили, в лучших традициях викингов, договор с Вильгельмом и остались в Англии. Однако, пережив холодную и голодную зиму — всё, что они забрали в окрестных деревнях, уже было съедено, — они перестали представлять сколько-нибудь значительную военную силу. В этом пришлось убедиться и самому королю Свейну. Он с небольшим отрядом появился на острове, чтобы лично посмотреть, что происходит. Свейн быстро разобрался в ситуации и понял, что о войне с Вильгельмом нечего и думать. С тем и вернулся домой. Так безрезультатно закончилось последнее, как выяснилось в ретроспективе, из долгой истории датских вторжений в Англию.

Часть датчан возвратилась вместе со своим королём на родину, а часть почему-то (это толком не объяснено) перебралась на юг, на «остров» Эли. Там они присоединились к тем англичанам, которые в этом месте создали

новый и, как оказалось, последний очаг национального сопротивления. (В те времена кусок земли, где сейчас стоит знаменитый Элийский собор, был окружён непроходимыми болотами. Их начали осушать только через 400 лет. Отсюда и название «остров» Эли.)

Во главе повстанцев стоял харизматический лидер, которого звали Хирвард «Бодрствующий» (Hereward the Wake). Он вошёл в историю как последний защитник английских свобод. О его подвигах было сложено много поэтических произведений; самое известное среди них — это «Деяния Хирварда». В искусстве партизанской войны ему не было равных. Ряды повстанцев росли, к ним находили дорогу всё новые люди, в том числе такие заметные личности, как бывший правитель Нортумбрии Моркар. С какого-то момента уже нигде в исторической Восточной Англии норманны не чувствовали себя в безопасности.

Вильгельм увидел, что дело принимает опасный оборот и надо действовать. Его войска окружили «остров» по периметру заболоченной местности и стали прокладывать гати. Хирвард, проявляя чудеса храбрости и изобретательности, мешал этому как мог; дело стало безнадежно затягиваться. То, что произошло дальше, подозрительно напоминает другие события подобного рода начиная с Фермопил. (Мы ведь читаем то, что писали люди образованные, сведущие в истории.) Нашёлся предатель, этакий английский Эфиальт, который вывел норманнов к базе повстанцев. Началась резня, пощады не давали и не просили. Моркар попал в плен и был посажен в тюрьму. Там он и провёл всю оставшуюся жизнь, которая оказалась на удивление долгой: он пережил Вильгельма на целых 16 лет, но выпущен так и не был.

А вот что случилось с Хирвардом, доподлинно неизвестно; тут легенды разнятся. Где-то написано, что Вильгельм, восхищённый его мужеством (что-то на него не похоже!), предложил ему прощение в обмен на клятву более никогда не поднимать против него оружие. Хирвард якобы согласился и с той поры мирно жил как лояльный вассал короля. Но чаще встречается другой рассказ: Хирвард проложил себе кровавую дорогу, выбрался из болот и несколько раз пытался организовать сопротивление в других местах. Однако, видя безнадежность своих усилий, он покинул Англию и скитался по свету. О последних годах выдающегося героя английского сопротивления — ведь именно таков он в восприятии

современных потомков побеждённых, а заодно и смешавшихся с ними потомков победителей — мы ничего не знаем.

Покончив с элийскими повстанцами, Вильгельм снова появился на севере, на этот раз чтобы нагнать страху на шотландцев. Вторгшись в их страну, он потребовал от Малькольма выдворить Эдгара из своего королевства, а заодно признать себя вассалом английской короны. Тот был вынужден подчиниться: силы были слишком неравны.

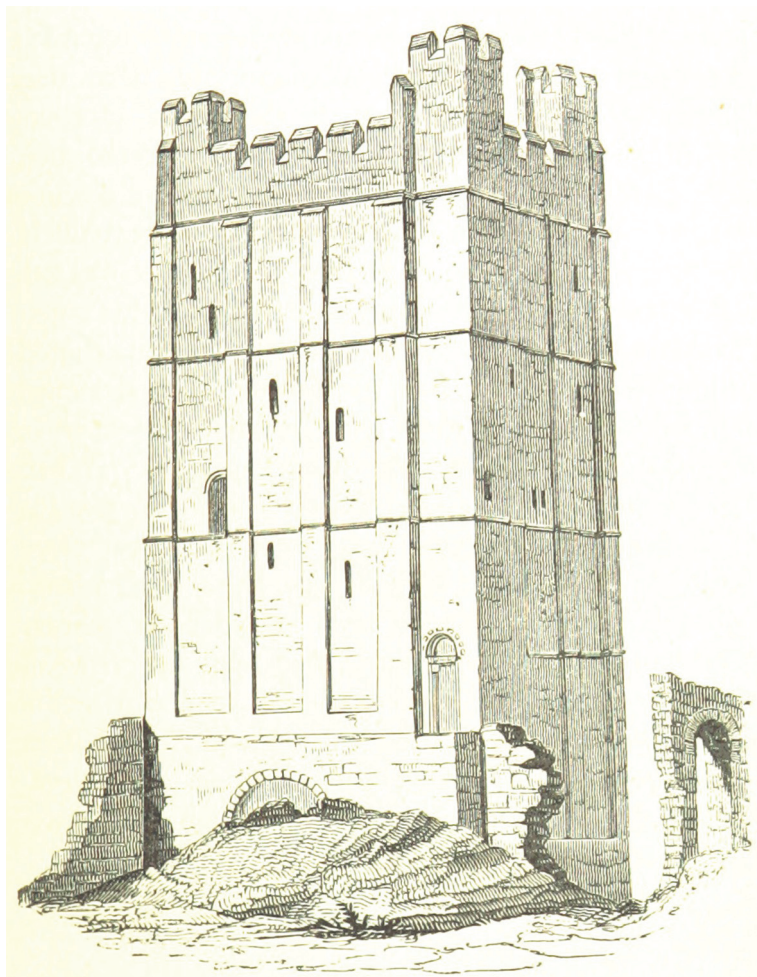
Много раз шотландские короли были вынуждены признать верховенство королей Англии, но каждый раз при первом удобном случае объявляли себя полностью самостоятельными. В 973 году, во время коронации Эдгара Миролюбивого, шотландский король был одним из шести гребцов на лодке, у руля которой сидел английский король (см. «Раннюю Британию»). Теперь Малькольм соглашается считаться в феодальной таблице о рангах ниже Вильгельма. В будущем Шотландия подчинится на время Эдуарду I. Наконец после самой знаменитой битвы в шотландской истории — победы над англичанами при Баннокберне, 1314 год — английские короли нехотя признали полную независимость северного королевства. Последний раз давно уже не поднимавшийся вопрос о вассалитете Шотландии всплыл в 1587 году, когда Елизавета I мучительно решала, что делать с находящейся под охраной в одном из её замков Марией Стюарт. Ясно было, что, пока она жива, покоя не будет. Но казнить законного монарха соседнего королевства было, по европейским понятиям, делом неслыханным и возмутительным. Вот и появился следующий, прямо скажем, не столь уж убедительный довод в пользу казни: дескать, Мария не является независимым монархом, а лишь вассалом английской короны. А с вассалами, сами понимаете. . .

Но Эдгар не смирился и, покинув Шотландию, стал ездить по разным странам, ища поддержки. Ничего не вышло. Через несколько лет он написал Вильгельму, якобы по совету Малькольма, что навсегда отказывается от претензий на его трон и готов стать его вассалом. Тот, как ни странно, согласился не помнить зла, и Эдгар переехал в Англию, получив от короля приличный кусок земли в качестве лена. Здесь мы на время его оставим.

Шёл 1072 год. Пожалуй, можно считать, что к этому году норманнское завоевание Англии было полностью завершено. Правда, особого успокоения Вильгельму это не принесло: на него навалились другие проблемы, совсем иного характера. Но о них мы поговорим позже.

Итак, вопрос «Кто кого?» был решён окончательно и бесповоротно. Параллельно решался вопрос «Кого куда?» В данном случае это означало: кому пожаловать то или иное земельное владение? Если прежний владелец, знатный англосакс или дан, сложил свою голову, сражаясь

Замок в Ричмонде, построенный Аланом Рыжим

за Гарольда, или же отказался признать новую власть впоследствии, проблем, разумеется, не возникало. Так, например, восточная половина бывших земель Моркара — современный Линкольншир — была отдана сподвижнику Вильгельма, некоему Алану Рыжему, по-видимому, бретонцу по происхождению. Одо, единоутробный брат Вильгельма и епископ Байё (в Нормандии), стал по совместительству светским правителем

Кента, и так далее. Кстати, некоторые имена норманнов «первого призыва» — тех, кто явился с Вильгельмом, — стали довольно распространёнными фамилиями: Мортимер, Монтгомери, де Куртене («Кортни» наших дней). Их носили и носят много людей, отнюдь не всегда благородных кровей.

Но что делать с теми, кто покорился? По-видимому, вначале Вильгельм хотел сохранить за ними их надель, надеясь на их лояльность — на то, что они будут вести себя, как положено королевским вассалам. Но он всё более убеждался в том, что на них нельзя положиться в случае волнений: они слишком хорошо помнят свои обиды. А эти обиды множатся: уж больно нагло и беспардонно ведут себя победители. И вот получилось нечто вроде порочного круга. Чтобы держать в повиновении своих новых подданных, Вильгельму надо было строить всё новые замки. Тот, кто будет владеть таким замком после только что подавленного мятежа, должен пользоваться полным доверием короля — кто же это, как не норманн? В его надёжности, в отличие от англичанина, сомневаться не приходилось. Но ему надо дать землю. А где её взять после того, как главные сподвижники нормандского герцога уже получили свои лены? Ведь куда большее число пришельцев с континента пока не участвовало в делёжке; это касалось многих оставшихся без наследства младших сыновей французских сеньоров. А они появились на острове именно в надежде получить земельный надел — как это тогда означало, устроить свою судьбу. И в преданности таких людей, в отличие от англичан, можно было не сомневаться.

Вот и приходилось Вильгельму, хотел он этого или нет, закрывать глаза на то, что такие норманны под тем или иным предлогом, а нередко и вовсе без оно́го, захватывали земли, на законном основании принадлежавшие англичанам. А это часто вызывало восстания прежних владельцев, дотоле, казалось бы, уже примирившихся с новым режимом. Для усмирения недовольных приходилось строить новые замки и отбирать у англичан новые земли — и история повторялась.

Получилось, что в течение не столь уж долгого времени после завоевания земли прежних владельцев перешли к пришельцам, не знающим и не желающим знать язык местного населения. (Их потомкам всё же придётся этот язык освоить.) Лишь считанному числу знатных англичан удалось сохранить свои владения, пусть в урезанном виде. Вспомните

Седрика Саксонца из «Айвенго»: он как раз ведёт свой род от одного из таких персонажей.

Большинство епископов и аббатов были также заменены на пришельцев с континента. В частности, лишился своей кафедры и архиепископ

Ланфранк, миниатюра из манускрипта XII века

Кентерберийский Стиганд. Новым архиепископом стал Ланфранк, итальянец по происхождению и старый друг Вильгельма. Он был вдохновлён реформой по очищению церкви от коррупции, симонии (= продажи церковных должностей) и женатых священников, предпринятой выдающимся папой Григорием VII — тем самым, к которому «ходил в Каноссу» побеждённый император Генрих IV. (Подробности об этом знаменитом «хождении» см. ниже, в главе 5.) Ланфранк много сделал для приведения английской церкви, которая в донорманнские времена, мягко говоря, не была свободна от всех этих пороков, в соответствие с континентальной практикой. При нём же в этой церкви была установлена чёткая иерархия: архиепископ Кентерберийский является примасом (первым среди священников) и непосредственной главой 17 епархий, а ему подчиняется второй по значению прелат — архиепископ Йоркский, стоящий во главе трёх епархий. (В наши дни у первого — 30, а у второго — 14 епархий.)

Вообще, стоит отметить, что в истории Римско-католической церкви удивительным образом чередуются периоды крайнего упадка и слабости с периодами подъёма, консолидации и даже претензиями на верховную власть в Европе — этакая синусоида. Более подробно о таких циклах и их влиянии на ход истории, мировой и английской, мы поговорим позднее. А сейчас для нас важно, что именно при современном Вильгельму папе Григории VII произошёл очередной и даже, пожалуй, невиданный

доселе взлёт престижа и власти этой церкви. Григорий, можно сказать, выгнал её из трясины, в которой она оказалась по вине его порочных и бездарных предшественников на Святом престоле. Этот папа поставил своей целью провести упомянутую выше реформу по очищению церкви и вместе с тем там, где удастся, обеспечить независимость церкви от светской власти.

В Англии страстным поборником реформы был, как мы уже знаем, архиепископ Ланфранк. Но как быть с независимостью церкви? Ведь с Вильгельмом, что называется, не забалуешь. И вот, наблюдая развитие событий, нельзя не прийти к выводу, что между этими двумя умными людьми — одним носящим папскую тиару, другим — корону св. Эдуарда — было достигнуто нечто вроде молчаливого соглашения. Король, к удовлетворению Григория, полностью поддержал Ланфранка в его реформах, но сохранил власть над английской церковью. В частности, именно от него зависело назначение на высшие церковные должности — зависело, разумеется, реально, а по форме всё было, как положено «по церковной конституции». Можно догадаться, что такой компромисс двух умных и уважающих друг друга немалых людей окажется недолгим и вряд ли переживёт их самих. Но о дальнейших перипетиях борьбы духовной и светской власти — как в европейском масштабе, так и на особом английском «театре военных действий» — мы узнаем в своё время.

В целом надо признать, что Вильгельму, как к нему ни относиться, надо отдать должное вот в каком отношении. После того как он подавил всякое сопротивление своей власти, он стал править в строгом соответствии с законами страны — теми, что были при Эдуарде Исповеднике и которым он клялся следовать во время своей коронации; только теперь соблюдались они гораздо строже. Издавал он и новые законы, более или менее в том же ключе, но с учётом изменившейся обстановки. Законы были весьма суровы: например, за изнасилование полагалась кастрация преступника, а за убийство отрубали голову. Но они своё дело делали: люди чувствовали себя более защищёнными как от грабителей с большой дороги, так и от произвола разного рода начальников.

Впрочем, был один новый закон, вызвавший всеобщее недовольство. Король выделил огромные лесные массивы, где разрешалось охотиться только ему. Всякий, кто осмелится самовольно охотиться в одном из «королевских лесов», подлежит жестокому наказанию: ему выкалывают

глаза. Саксонский летописец иронически писал о подобных экологических заботах короля, что Вильгельм так любил оленей и кабанов, словно был их отцом. Кстати, при последующих королях «лесной закон» ещё более ожесточился: например, при Вильгельме II самовольная охота уже каралась смертной казнью. (Можно предположить, что норманнские короли руководствовались какими-то более серьёзными соображениями, чем просто эгоистическим капризом — дичи тогда на всех хватало, — но только какими?) Разумеется, шерифам и прочим чиновникам следить за неукоснительным выполнением «лесного закона» на столь обширной территории было чрезвычайно трудно. В «королевских лесах» пряталось огромное множество людей, добывавших пропитание как раз с помощью незаконной охоты. Из подобных нарушителей наиболее известен, конечно, Робин Гуд, когда бы он ни жил.

У так, власть над Англией, светская и духовная, в руках норманнов. Возникает естественный вопрос: как же этой горстке людей — всего несколько тысяч — удалось в течение нескольких поколений безраздельно властвовать над столь огромной массой покорённого народа? (Население Англии, по современным подсчётам, тогда составляло более полутора миллиона человек.) Что же, рецепты были привезены с континента. Первое, что делал новоявленный владелец пожалованного королём земельного надела, — это строил замок. В старой Англии замков было немного, в основном в крупных городах, для защиты от иноземных вторжений. Теперь у замка была иная цель: держать в узде местное население. Появившись с отрядом головорезов на «своей» земле, норманнский рыцарь выбирал место будущего замка, как правило, высокий холм с хорошим полем обзора. Туда сгоняли крестьян из окрестных деревень и заставляли их возводить на вершине холма земляную насыпь и сколачивать деревянные стены. Так возникало «гнездо стервятника на скале», по выражению историка Фримана. Первые замки были примитивны и мало удобны для жилья; каменная кладка и комфорт появятся позднее. Но свою роль они выполняли. Их хозяева чувствовали себя в безопасности, чего нельзя сказать о местных жителях: в любой момент из ворот могла выехать карательная экспедиция. Можно сказать, что если старые английские замки были построены для защиты, то новые норманнские замки — для нападения.